

Юрий Антропов

ИЗБРАННОЕ

ПЕРЕВАЛ

Роман

•

ЖИВЫЕ КОРНИ

Повесть в новеллах

•

РАССКАЗЫ

• МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1982

Предисловие
Ю. Л О П У С О В А

Оформление художника
М. Ш Е В Ц О В А

© Состав. Предисловие.
Оформление. Издательство
«Художественная литература», 1982 г.

Антропов Ю. В.
A72 Перевал: Роман; Живые корни: Повесть в новеллах; Рассказы /Предисл. Ю. Лопусова. — М.: Худож. лит., 1982. — 576 с.

«Избранное» Ю. Антропова составляют роман «Перевал», повесть «Живые корни» и рассказы. Главный герой произведений Ю. Антропова — наш современник, стремящийся сделать себя и мир вокруг лучше, добрее, надежнее.

A 4702010200-125 67-82
028(01)-82

P2

ЖИВЫЕ КОРНИ

В одном из ранних рассказов Юрия Антропова главный герой, старатель Егор, как бы оправдываясь в том, что променял надежную городскую работу на трудное ремесло, не сулящее немедленных, сиюминутных благ и даже просто хлеба, говорит своей жене и сыну:

«— Тут такое дело. Нашло, понимаешь, на меня, загорелось, — потер он ладонью грудь, словно прислушиваясь к этому невидимому огню в ней, — и все тут! Вынь да положь, как говорится. Захотелось мне взять этот барьер. Загадал про себя... вот найду этот касситерит проклятый — значит, ничего еще не потеряно в моей жизни. Может, и в город тогда перееду... дело-то ведь не в этом».

Рассказ называется «Белая душа». Автор вроде бы просто обыграл географическое название местности, где Егор ищет легендарное месторождение касситерита — минерала, из которого добывают олово. Действие происходит в песках, которые по-казахски называются Ак-Жон. Белая душа, значит. Вот и вся премудрость.

Вся, да не вся. Название рассказа имеет и второй смысл. Белая душа — это образ человека мятущегося, захваченного понском вечных истин. Одержимого высокой и светлой мечтой. Может быть, он выглядит добрым чудаком, этот человек. Но без таких-то чудак-ков наш мир был бы куда хуже, беднее.

Подобными чудаками, замечательными в своем роде людьми, наделенными талантом добра и справедливости, населены и другие произведения Ю. Антропова. Вспомним старого металлурга Ивана Комракова из романа «Ивановский кряж». Он одержим необычной идеей: скрыть терриконы отработанной породы, обезобразившие лик земли. Казалось бы, к чему эти непосильные заботы старику, прожившему долгую и трудную жизнь, какое ему дело до взгромоздившихся в небо терриконов? Жизнь прошла, пусть о терриконах думают молодые, которым предстоит жить завтра.

Однако постепенно мы убеждаемся, что мечты Комракова оплатить земле человеческий долг — вернуть ей прежнюю красоту — не чудачество, не стариковская прихоть, а проявление стержневой, психологически мотивированной нравственной позиции героя, с которой писатель связывает свои представления об идеальной личности, о характере человека, не умеющего жить ради себя и отдающего все свои силы заботам о счастье грядущих поколений. Вот так на первый взгляд чудаковатые герои Ю. Антропова заставляют нас задуматься о важнейших, коренных проблемах жизни, о духовной преемственности поколений советских людей, о чистоте и возвышенности нравственных принципов человеческой жизни.

Обозревая галерею героев, созданных талантом писателя, невольно открываешь для себя главную черту его творчества: постоянную обращенность к истокам народного характера, к первооснове человеческого поведения. Георгий Марков, отмечая эту особенность творческой манеры художника, писал:

«Как правило, герой Ю. Антропова не обладает какими-то внешними исключительными чертами, не совершает каких-то необычайных подвигов. Скорее наоборот: он предельно скромен, сдержан в действиях и словах, скуп на жесты, начисто лишен позы. Вместе с тем он не иконописен, случаются у него и ошибки, и недопонимания, и по жизни он идет своей, временами зигзагообразной, дорогой. Но чем он значителен, что его превращает в тип, характерный для русских людей, в фигуру советского времени — это высота его нравственных устоев, неподкупность его совести, преданность трудовой традиции своих предков, общественный интерес».

Как удается художнику создать тип современной личности, показать в том или ином явлении характерные приметы времени, увидеть за единичным фактом вещи неслучайные, отмеченные печатью непреложных истин? Мне думается, что помимо знания законов искусства в данном случае решающая роль принадлежит знанию жизни, пониманию истинных нравственных ценностей, определяющих движение человеческой души, способности писателя соединить свою мысль с биением сердца народа.

Творческая биография Ю. Антропова является как бы продолжением его жизненных дорог, которые словно ручейки всегда стекали в русло народной жизни. Первые ступени биографии будущего писателя неотделимы от судеб его поколения: голодное послевоенное детство, школа, раннее приобщение к труду.

Отец писателя, выходец с Алтая, кавалер боевых орденов и медалей, гвардии офицер, которому суждено было пройти всю Великую Отечественную войну, участвовать в разных сражениях — в том числе во взятии Кенигсберга, что говорит само за себя, — и уцелеть, остаться почти невредимым, не считая двух ранений, Василий Антропов в тридцать лет мог сделать военную карьеру, но вместо этого, «отказавшись от лестного назначения в городе, метнулся куда глаза глядят... подался на старый прииск за Иртышом, где мало было людей, где тихо было и покойно, хотя старые выработки напоминали отцу воронки от бомб», как напишет потом сын.

Восьмилетним увидел он своеобразную трудную работу старателя. Отец руководил небольшой бригадой, сам брался за любое дело, и мальчишка тоже «наловчился орудовать лотком как заправский старатель». В рассказе «Яблоко от яблони» Ю. Антропов описал это свое детское увлечение, определившее впоследствии выбор профессии: «Я высматривал, как на дне лотка во взбаламученном песке

возникали вишневые зерна касситерита и мерцали маленькие, с игольное ушко, золотишки. Я знал, что цена этой старательской добычи не велика. Мы едва сводили концы с концами. Но меня завораживало всякий раз таинственное возникновение песчинок золота и горошин касситерита, из которого, как говорил отец, добывали на фабрике олово. Ну какое мне дело было до этого олова! И какое мне дело было до золота! Я ведал только одну им цену — талоны, вернее, боны, на которые можно было получить муку и сахар».

Этому послевоенному времени, трудной жизни на прииске Ю. Антропов посвятил рассказ «Белая душа». Психологическая точность письма, ощущение достоверности происходящего, реалистически воссозданные детали той далекой жизни — все это делает рассказ «Белая душа» одним из лучших в творчестве писателя, хотя написан он был почти в самом начале его литературного пути.

В 1955 году, окончив среднюю школу с золотой медалью, Ю. Антропов поступает в Московский университет на геологический факультет. Каждое лето — новая экспедиция. Он исколесил почти всю страну, прошел маршрутами сотни, тысячи километров. Друзья его учились в аспирантуре, защищали кандидатские диссертации, а Ю. Антропов неожиданно для всех в 1964 году уходит из геологии.

Геология и литература. Столь не похожие одна на другую сферы духа человеческого. Но как же все это было в жизни? Самая первая повесть «Должность с эмоциями», которая была написана семнадцать лет назад, во многом автобиографична, в ней описано начало пути в литературу Ю. Антропова.

Его потянуло попробовать свои возможности в художественной прозе. Потянуло не охотки ради, как говорят на Алтае, на родине Ю. Антропова, не просто так, от нечего делать, а дала себя знать природная, видимо, предрасположенность, та предначертанность, что всегда является вящей тайной.

Вместе с женой и маленьким сыном он уехал с Алтая на юг, в Коктебель, где бывал в студенческие годы, и поселился в доме поэта Максимилиана Волошина. Выбор места жительства оказался не случайным. В те годы в Коктебеле была хорошая библиотека. Да и сама атмосфера в Доме поэта, который так и назывался, как нельзя лучше способствовала новой жизненной программе вчерашнего геолога. Антропов решил заняться литературным творчеством всерьез, как бы вопреки общепринятому мнению, что ранняя профессионализация пагубна во всех отношениях.

Едва успев обжиться на новом месте, он стал писать повесть. Название ее — «Должность с эмоциями» — красноречиво говорило о том, какую жизнь, полную самых разных трудностей, выбрал отныне вчерашний геолог. Позднее он сам удивлялся, как ему удавалось выкраивать час-другой, чтобы, забравшись на чердак, где у

окна стояло старое продавленное кресло, написать несколько строчек. Днем он работал на винограднике в совхозе, а вечерами начиналась его основная работа как заведующего поселковым клубом, работа, продолжавшаяся до поздней ночи. Эта «Должность с эмоциями» была воистину трудной.

И вот завершена работа над рукописью первой повести. Ее читают прозаики, критики, издатели. Однако до публикации «Должности с эмоциями» проходит несколько лет, и к моменту выхода повести в свет Ю. Антропов сделал восемь вариантов...

Вот она, его литературная школа.

А между тем он заканчивает новую повесть «Присядем на дорогу». Само название ее как бы говорит о том, что молодой писатель, несмотря ни на что, намерен идти вперед. Он берется за художническое исследование характера именно там, где, казалось бы, материал не сулит никаких открытий. Ему это-то и важно — почувствовать, уловить «душу живую», увидеть «необыкновенное в обыкновенном», как отметит позже на пленуме СП РСФСР, посвященном творчеству молодых писателей, Георгий Коновалов, суметь довести «рассказ о простом человеке до степени размышления о Человеке на земле, о его долге, о самоотречении, вообще о том, кто он и зачем он».

В повести «Присядем на дорогу» описывается жизнь современной городской семьи, в которой после тяжелой ссоры все тревожно и беспокойно. Умея подметить в каждом человеке стремление к добру, светлому, желание освободиться от накипи мелких вздорных обид, Ю. Антропов создает жизненно достоверные характеры.

На первый взгляд, такой тематический выбор может показаться странным. Ведь недавняя профессия геолога и связанные с нею экспедиции в самые разные районы страны должны были толкнуть начинающего писателя, как это часто случалось, на поиски пронзительно-романтических ситуаций. Однако Ю. Антропов предпочел бытовую, неторопливую прозу. Его занимают вопросы нравственного становления человека, и он исследует те житейские обстоятельства, в которых находятся его герои, стремясь добиться наиболее достоверного психологического рисунка.

В 1967 году начинается его профессиональная работа в литературе. Он становится участником Пятого Всесоюзного совещания молодых писателей, его рекомендуют в творческий союз. А после выхода в свет повестей «Должность с эмоциями», «Присядем на дорогу», «Живые корни», «Неделя ущербной луны» и ряда рассказов критика всерьез заговорила об авторе. Но настоящий успех пришел к Ю. Антропову лишь в 1975 году, когда была опубликована повесть «Перед снегом», в которой психологически объемно показан

живой, противоречивый характер интересного парня Веньки Комракова, ищущего свое место в жизни.

Образ Белой души, то есть души возвышенной, чистой, хотя и принадлежащей человеку вроде обычному, даже заурядному как бы, иначе сказать, человеку простому, стал одним из главных сквозных в творчестве Ю. Антропова. По признанию самого автора, прототипом этого образа был отец, Василий Никифорович, которому сын посвящает один из своих пронзительных рассказов — «Черемуховая лощина».

В 1977 году писатель переезжает в Москву. Одна за другой выходят книги Ю. Антропова, он публикует романы «Ивановский криж» и «Перевал», становится первым лауреатом премии имени К. А. Федина.

Наблюдение над прозой Юрия Антропова приводит, по крайней мере, к двум важным аспектам. Прежде всего, сосредоточенность автора на проблемах духовной жизни простых людей. В этом как бы проявляется приверженность писателя к лучшим традициям русской реалистической литературы с ее пристальным вниманием к самым обыкновенным, малозаметным людям, с ее любовью к человеку-труженику.

Уже в первой повести «Должность с эмоциями» нас поражает не столько история главного героя—рассказчика, бывшего геолога, как бы заново начинающего свой жизненный путь, сколько та картина народной жизни, которую автор умел передать художнически зорко, впечатляюще. За внешним бытописанием, оттененным колоритом народных обрядов и обычаев, угадывается интерес автора к незаметным людям, интерес глубокий, проявленный не походя, а через обстоятельный психологический анализ душевных движений человека.

Даже тогда, когда писатель, много лет спустя после ухода из геологии, обратился к теме, связанной со своей бывшей профессией, главным героем романа «Перевал» стал все тот же простой человек. Ситуация самая житейская: у Афанасия Бутакова, буровика по профессии, умирает жена, умирает от неизлечимой болезни, умирает мучительно, долго, и Афанасий мечется между домом и буровым участком, который находится за сотни верст от города.

Ну не чудак ли человек! Какая уж там работа, если жена умирает? Да, Афанасий, конечно же, знает, понимает, что больную жену оставлять одну нельзя. Но ведь и работа у него такая, что ему, мастеру, хозяину скважины, уйти от дел никак невозможно. От него, Афанасия Бутакова, и другие людские судьбы зависят. Вот и крутится человек между двух огней.

Основой жизненной позиции Афанасия Бутакова во всех мыслимых и немыслимых ситуациях является нравственность в ее пер-

вородном понимании. Даже когда Афанасий думает о подземной воде, которую он добывает своими скважинами в засушливых районах, то и здесь рассуждения его, несколько наивные на первый взгляд, в высшем смысле нравственны. «Великое это дело—добыть воду из-под земли, где она вековечно томилась», — возникает в сознании Афанасия эта мысль. Томилась! Будто живая она, вода-то. А человек, значит, выручил ее, освободил — на радость людям.

Подобных мыслей, что греха таить, так часто не хватает нам, потребителям и воды, и леса, и других природных богатств, о которых мы подчас и вовсе не думаем, относясь к ним хищнически, безрассудно, а стало быть, безнравственно.

Обращаясь к самым будничным, повседневным делам и заботам простого человека, автор убедительно показывает, что как бы ни был незаметен литературный герой по своему общественному положению или профессиональной принадлежности, величина его значимости для читателя определяется прежде всего тем, насколько органично входят в круг представлений этого героя нравственные принципы, моральные устои, выработанные народной жизнью. В этом, на мой взгляд, главный нравственный урок его прозы.

Другая, не менее важная особенность художественной концепции Юрия Антропова — ярко выраженное пристрастие автора к людям труда. Собственно, все характеры его героев, их сущность раскрываются в сфере трудовой деятельности, во взаимоотношениях с людьми, для которых работа составляет изначальный смысл жизни.

В повести «Живые корни» Ю. Антропов выводит целую галерею персонажей — с виду самых обыкновенных людей, ничем вроде бы не примечательных. Но все они озабочены важным, общественно значимым делом, и это позволяет высветлить характеры с главной стороны, поскольку именно отношение к труду, к своим основным обязанностям в обществе составляет первооснову нравственной личности.

Главный герой повести Иван Игнатьевич, глава большой семьи, занят сугубо прозаическим делом: клиент на заводе чуни для электротехников. Венька, старший сын, после службы в армии строит завод, а потом работает в одном из его цехов слесарем-наладчиком. Старшая дочь Мария, лаборантка химцеха, по состоянию здоровья вынуждена уехать на юг, где временно устраивается секретарем-машинисткой, скучает по своему цеху, по семье. Младшие дети Ивана Игнатьевича, Бориска и Наташка, еще только-только начинают свой жизненный путь: один в ожидании призыва в армию устраивается на завод, другая после школы собирается уехать на БАМ. Вот такой расклад. Можно сказать, заземленный. Но это — на первый взгляд. На черно-белой пленке рядовых событий постепенно

проявляется радужное слайдовое разноцветье любопытнейших человеческих характеров. Не так уж просты, как оказывается, эти люди.

Прежде всего, надо особо сказать о главе семьи. Классный металлург, много лет отдавший своей профессии, Иван Игнатьевич должен был уйти на пенсию, но вместо этого вдруг согласился на зазорную работу — клестить чунн, только чтобы каждый день, как и обычно, ходить по утрам на завод. Что это — своеобразное чудачество из серии тех, на которые горазды герои Ю. Антропова?

Чувство привязанности старого рабочего к своему заводу многократно исследовано нашими писателями. Решение этого вопроса, как правило, однозначно: человек отдал своему делу столько лет жизни, что расстаться с ним у него недостает сил. Известная проблема пенсионеров. Но совсем по-иному решается эта тема в повести, в чем видится несомненное новаторство в художественном осмыслении этой социально-нравственной проблемы. Иван Игнатьевич не может уйти с завода еще и потому, что хочет приносить благо людям. Не важно, какая работа, главное — она нужна людям. Вот высший смысл его существования.

Не так прост, как оказывается, и Венька. Заводской умелец, получающий хорошую зарплату, он в один прекрасный момент начинает понимать, что без учебы в нынешний век ему не обойтись, иначе пользы от него, Веньки, будет мало, и эта мысль перестраивает его психологию. Этот внутренний конфликт Веньки с самим собой куда напряженнее тех конфликтов, в которые он вступает и с начальником цеха, и с браконьерами на реке, и с женой Зинаидой.

Нравственный максимализм отличает и его сестру Марию, которая вместо того, чтобы тихо-мирно пожить на курорте, где ей дали «непыльную работенку» и жилье, заступилась за человека, несправедливо обиженного, и Мария приходится вести нешуточную борьбу.

Младшие дети Ивана Игнатьевича, Бориска и Наташка, тоже каждый по-своему проявляют «батин характер», который по сути есть не что иное, как отражение нравственной цельности и душевной чистоты.

Творческое кредо Ю. Антропова подкрепляется и его рассказами. Критики и читатели давно отметили своеобразность Антроповановеллиста. Сюжеты у него самые житейские, стилизованный рисунок незатейлив, язык имеет четко выраженную народную основу, психологический анализ точен. Повествовательная манера автора подчас близка к разговорной речи, что создает единство авторского видения с видением героя, сообщая особую эмоциональную окраску рассказу.

Но самое главное, что и в рассказах своих автор остается верен избранному им идеалу. Не потому ли еще герои его произведе-

ний воспринимаются как глубоко народные, будто шагнули они на страницы книги из самой гущи жизни?

В самом деле, и старатель Егор, пытающийся найти легендарное месторождение («Белая душа»); и электросварщик Яков Абакумов, приехавший с Алтая в Крым подлечиться, отдохнуть и заодно осуществить свою наивную мечту — подыскать себе нехлопотливую работенку прямо у моря, как это сделал его брат Наумша, непоседа, привыкший колесить по стране («Алтайское танго»); и Николай с Анной, грустно поющие песню про свои несбывшиеся надежды, которые разбила-разрушила война («Кукушкины слезки»); и городской человек, выходец из деревни, Леонид Антипович, душа которого так и не легла к чужим местам («Черемуховая лошнина»); и пасечник Устин, долгие годы стерегущий вековое дерево от лихого братца Аверьяна, давшего зарок назло Устину уничтожить красавец кедр («Пихтовый сучок»), — все эти и другие герои рассказов несут в себе ту нравственную доброту к людям, к природе, к миру вообще, которая испокон века отличала истинно стоящего человека, без которой всякий, будь он хоть семи пядей во лбу, перестает быть по сути своей человеком. Трудные судьбы у героев Антропова. Им приходится преодолевать немало препятствий, конфликтовать, идти через тернии, утверждать свою правду, свои принципы и идеалы в постоянной, каждодневной борьбе. Но именно эти трудные судьбы и дают писателю возможность раскрыть диалектику человеческих характеров, высветлить самые чистые и возвышенные чувства в душе героя. Творчество Юрия Антропова пронизано этой светлой великой верой в сокровенные чаяния человека, стремящегося сделать себя и мир вокруг лучше, добрее, надежнее.

Юрий Лопусов

Перевал

Роман

никто не знал, когда умерла жена Афони Бутакова. То ли вчера пополудни, то ли ночью. А может, и сегодня утром.

Последний раз ее видели живой сутки назад. К больной соседке наведальась, как обычно, Полина Адамиха. Сварила манную кашу. Афоня, уехав на скважину, оставил денег и наказал кормить жену даже через силу. Когда человек совсем не ест, какая тут может быть надежда?

Жалостливо вздыхая, Адамиха старалась вовсю: «Ешь, Валя, ешь! Ну хоть маленечко! Поправляться же надо...» Совала ей ложку в рот, перемазала все губы, но Валентина, страдальчески морщась, слабо качала головой и выпихивала языком ложку.

Уже перед уходом Адамихи она собралась с силой, оторвала от постели свою руку и поманила: иди-ка, иди поближе! Голоса ее уже почти не слышно было, и Адамиха с трудом поняла—скорее по глазам: задерни, мол, занавески, чтобы с улицы не заглядывали.

— Может, врача вызвать, а?..

Глаза Валентины сомкнулись, губы скривились: «Сколько можно его вызывать...»

В комнате, где из-за маленьких окошек, заставленных цветочными горшками, было и без того темно, повеяло теперь нежилым. Адамиха, уловив напоследок тревожный блеск глаз Валентины, заторопилась уходить. Она понимала больную: ей было еще страшнее оставаться тут в одиночку. Адамиха не угадала одного. Валентина взглядом просила ее сходить в контору буровиков и как-нибудь сообщить мужу и сыну Виктору, тоже работавшему на степных участках, что она совсем плохая.

Утирая пальцами слезы, Адамиха вышла на улицу и подумала: «Ох, горюшко... Не дай-то бог так болеть!» Она повернула было к буровой конторе, которая стояла тут же, на Октябрьской, но спохватилась, что с минуты на минуту придет с работы Нинка. «Домашнее Наказание» — как прозвала дочку сама Адамиха за крутой характер. Опять растопчет все бумажные стаканчики с рассадой, которые мать ладила с утра, заставив ими весь пол. Как же, интеллигенция: стесняется, видите ли, что мать приторговывает зеленью.

Разом забыв про умирающую соседку, Адамиха потрусилась домой.

За ужином она сказала дочери:

— Никак не могу понять этого Витеньку твоего...

— А тебе и не надо понимать.

Адамиха фыркнула:

— Ага. Родная мать при смерти лежит, а он хвост трубой — и был таков! Черти с квасом съели! Что есть сын, что нету. Квартиру, видите ли, получил. В родном доме тесно стало...

Нина швырнула на стол вилку, глаза ее потемнели.

— Ему дали как молодому специалисту. Отказываться, что ли?

— Тебе тоже поди вырешат?

— Не радуйся. Не дадут.

— А дали бы, — напирала Адамиха, — так небось тут же убежала от матери...

— Не хочешь, да убежишь! Чего ты взъелась на Витю?!

— А за что его по головке-то гладить? Гляди, какой хороший, куда с добром! Ага. Вырядится как попугай, распушит свои бакенбарды — и напрямик в ресторан. У него одно на уме: девки да ресторан.

— Господи!.. Он и был в ресторане-то один раз и то со мной. Сказала бы уж лучше...

— Что «сказала бы»?

Они смотрели друг на друга не мигая. Адамиха знала, что дочь с зимы ходит к сыну Афони в новую квартиру, а Нина бесилась от догадки: между отцом Виктора и ее матерью тоже что-то происходит.

Остаток дня Адамиха угрюмо провозилась с рассадой, утащив ее на кухню. Чтобы не ругаться больше с дочерью, она легла спать раньше обычного — прямо на табуретках у плиты. И сразу уснула как убитая. А утром чуть свет спохватилась, будто кто ее толкнул в бок, и побежала в дом Бутаковых. Отворила незапертую дверь — лежит соседка посинелая, незряче глядя на нее... Адамиха сроду боялась смерти, выскочила на улицу, закричала дурным голосом.

Вскоре подросла санитарная машина. Двое в белых халатах торопливо, словно к живой, спешили, направились в дом.

— Ага, бегом, бегом давайте, а то не успеете... — съязвила Адамиха.

— Они всегда так, — поддакнули ей. — Пока живой — и не чешутся, а как скажешь по телефону, что уже все, скончался человек, тут и прилетят, сразу и машина найдется.

Соседки смочили глаза слезой. Про себя они похоронили жену Афанасия Бутакова уже давно, когда узнали, что врачи отступились, не могут справиться с ее болезнью, а потому настоящих слез не было.

— Господи, и когда же научатся нас лечить...

— Ага, научатся они... когда нас с тобой не будет, — сказала Адамиха и вдруг всплеснула руками: — Мамоньки! Надо же было телеграмму отбить Афанасию Иванычу!

За спиной у нее прошелестел шепоток:

— Торопись, а как же... Теперь не от кого будет скрываться.

— Поди, еще свадьбу справят.

— Общую. Ведь Нинка-то с Афониным сыном тоже встречается.

— Да будет вам, бабы, — одернула их пожилая женщина, — чего не надо болтать-то!

— В самом деле! Всё-то вы знаете...

Адамиха пересуды эти поймала краем уха.

«Хорошо, что Домашнего Наказания нету, ничего не слыхала, — подумала она о дочери, — а то опять было бы у меня с нею...»

Усмехнувшись про себя, Адамиха затаенно глянула на соседок.

— Сразу, что ли, сообщить ему, — обвела она взглядом реденькую толпу, угадывая, чьи были слова. — Ну, что Валентина-то померла...

Мнения разделились. Адамиха считала, что ходить вокруг да около не стоит. Какой прок отводить правду? Но соседки, приводя примеры из жизни, убеждали, что надо сначала подготовить отца и сына: мол, срочно приезжайте. Валя совсем плохая. Ждали не ждали они худого конца — хотя как небось не ждали, раз уж и врачи потеряли веру, — а все же бить наотмашь не следует.

Адамиха настояла на своем. Известие полетело по проводам в степной район. Молоденькая казашка, принявшая телеграмму, закрыла почту и заспешила на край аула, к дому гидротехника Мукуша, который то и дело

наведывался к буровикам на отгонные пастбища и, главное, знал их всех наперечет — кто и где находится. Однако Мукуша дома не оказалось, он принимал скважины у одной из бригад.

II

Пусто и дико было кругом. Нигде ни одной живой души, хоть бы птица какая прилетела или суслик выглянул...

Стылая земля только-только освободилась от снега и напоминала бросовую облезлую шкуру. Там да сям щетинились прошлогодние сивые былки и накрапом рябили степь солончаковые плешины в белых от выступившей соли оторочках. Студеный опостылевший сивер, будто с цепи сорвавшись, катил с пересвистом иссохшие узлы бодылья.

«И куда сгоняет это чертово перекасти-поле? — дивился Афоня. — Что за прорва там такая?»

У него ныло сердце, второй день не находил себе места. Зря он в этот раз поехал сюда, бросил Валентину одну-одинешеньку. Подумаешь, скважина!.. Остаться бы дома — и вся недолга, хотя начальство, конечно, хай подняло бы: «А кто работать будет, если все мы начнем болеть да за больными ухаживать?»

Он кое-как зарядил самокрутку остатком волглой махорки, пальцы у него противно дрожали. Злись не злись теперь, а не убежишь отсюда сломя голову, не оставишь скважину, пока не доведешь ее до ума. А это только легко сказать. Пробурили-то быстро, сразу наткнулись на водонос, но никакого оборудования под рукой, как всегда, не было и нет. Даже обсадить нечем, того и гляди обвалится ствол. Все жданки уже вышли, бригада от безделья мучается, но сиди и жди, когда начальство раскатается и пришлет машину с трубами.

«Все бы ничего, не в первый раз такая петрушка, — рассуждал про себя Афоня, — да ведь человек там умирает... Валентине, мертвой-то, не объяснишь потом, что дела заели, будь они прокляты, дела такие!»

Он подумал с надеждой, что Адамиха в случае чего отбила бы ему телеграмму, а уж старый кунак Мукуш доставил бы ее из Карагала в тот же день, на лошади приехал бы в крайнем случае. Это во-первых. А во-вторых, в конторе СМУ сидят живые люди, не чурбаны, сразу должны сказать Виктору по телефону, он же как про-

раб каждый день названивает в город. А уж Витька, на каком бы участке ни торчал, не минует отца. заскочит — машина у него на ходу, да и вместе-то как-то легче было бы.

И тут ему показалось, что в степи отдаленно гуднуло. Выплюнув самокрутку, он вскочил с кернового ящика и подался вперед, вытянув худую жилистую шею. Нет, ниоткуда ни звука больше. Лишь неумный ветер тоскливо посвистывал у тросов. Вздохнув, покосился на своих бригадников — посиживали архаровцы в теплой кабине буровой самоходки и дулись в карты, хоть бы хны им. Правду говорят: что старый, то и малый. Толегену едва за двадцать, а Пашке Светофору — все пятьдесят уже, еще и с гаком небось, а как сядут играть в «дурака», как начнут из-за карт спорить, да как сцепятся — лучше не глядеть.

Афоня снова поднял самокрутку, погаснуть еще не успела. Пососав, распалил ее до треска, затянулся едучим дымом, выбивавшим слезу, и опять услышал гул мотора. «Блазнится, что ли?» — подумал он и, заторопившись, полез на буровую мачту. Чем выше, тем сильнее качалась она, и земля внизу пошла большими плавными волнами.

— Ты чего? — выглянул из кабины Светофор. — Что за концерт?

Мастер даже и ухом не повел. Павел выбрался наружу, встал под мачтой поеживаясь. Сколько лет он работал вместе с Афанасием, а ни разу не видел, чтобы мастер лазил без дела на верхотуру. Да если и дело какое — других сгонять можно, кто помоложе. Толегена бы вон заставил, здоровый лоб. Не старику же со своим радикулитом жить.

Толеген, тасуя карты, брякнул, не долго думая:

— Шеф, однако, горе чует.

— Чего ты мелешь?! Накарай мне вот... — Павел погрозил Толегену кулаком, а сам подумал: «Поди, с Валентиной чего... И впрямь небось чует. Да-а... Это уж рано или поздно...»

Толеген пожал плечами:

— Такие же номера отмачивает мой гидротехник. — Он никогда не называл иначе своего отца, Мукуша Есимиханова, районного представителя облводхоза. — Как только в семье чепе намечается — он вскарабкается на мазар...